

РОССИЙСКАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА

В.Б. ПАСТУХОВ

Просвещенный авторитаризм и независимость суда (Возрождение консервативной утопии)

Вопрос о демократии и даже о правовом государстве в современной России пока не очень актуален. Останутся ли у власти нынешние руководители страны, победят ли их оппоненты или из глубин русской жизни материализуется какая-то третья сила, демократия и правовое государство здесь в ближайшее время не сложатся. Для этого, к сожалению, нет достаточных культурных предпосылок. Подчеркиваю специально – достаточных, а не вообще никаких.

Другое дело – проблема законности. Поддержание режима законности – один из важнейших показателей жизнеспособности власти. Это в равной степени касается как демократических стран, так и самых что ни на есть авторитарных. Если судить по этому показателю, то российская власть сегодня скорее мертва, чем жива. Государственная власть должна обладать способностью поддерживать универсальный, единый на всей территории страны порядок, создающий у ее граждан убежденность в том, что, действуя в рамках определенной логики, и они сами, и их имущество находятся в определенной безопасности. Именно так государство оправдывает свое предназначение в качестве фактора сдерживания социальной энтропии.

Это быстро понял В. Ленин, уже в первые годы после революции озаботившийся проблемой законности в государстве “диктатуры пролетариата”, которое им, между прочим, определялось не иначе, как “организованное классовое насилие”. Поэтому вопрос о законности и вопрос о правовом государстве – не одно и то же. Без правового государства определенные общества могут достаточно долго и успешно развиваться. Отсутствие законности зачастую ставит под вопрос само существование государственности, а вместе с ним и общества.

Законность может быть выражением справедливости и права (в демократическом государстве), может быть проявлением крайнего неравенства и произвола (в авторитарном государстве), но ее соблюдение свидетельствует об эффективности власти. Отсутствие законности означает кризис власти как таковой. Анархия делает бессмысленной дискуссию о демократии и авторитаризме.

Законность – необходимое условие любого устойчивого социально-экономического роста. Сегодня в России это условие отсутствует. Страна находится во власти социальной стихии, где судьба человека зависит не столько от закона, сколько от случая. Эта обстановка оказывает двойное воздействие на сознание образованных слоев общества. С одной стороны, внимание общественного мнения, если допустить его

Пастухов Владимир Борисович – доктор политических наук, кандидат юридических наук, научный директор Института права и публичной политики, советник Председателя Конституционного суда РФ.

существование в современной России, постепенно смещается в сторону озабоченности произволом властей и особенно – правоохранительных органов. С другой стороны, в сознании части даже тех представителей элиты, которые традиционно придерживались либеральных взглядов, крепнет убеждение в том, что демократическая организация власти в России или невозможна, или бесполезна.

Общественным идеалом в такой ситуации постепенно становится просвещенный авторитаризм. Он как бы лишен крайностей и радикального либерализма, исповедуемого “демократической оппозицией”, который в современной России обречен, и правового нигилизма, исповедуемого сегодня народом и властью, при котором обречена Россия.

Просвещенный авторитаризм – консервативная утопия. Она также недостижима, как рай на земле или коммунизм в отдельно взятой стране. Но это “конструктивная утопия”, поскольку она демонстрирует нам направление желательного и, главное, в принципе возможного движения. Просвещенный авторитаризм – разумный компромисс между тем, что есть, и тем, чего не может быть в России.

Организованная анархия

Для начала попробуем разобраться с тем, что есть.

Одним из часто встречаемых заблуждений относительно современной России является представление о ней как об авторитарном государстве. В своем докладе “Подрыв демократии: Авторитарные страны XXI века” Freedom House причислила Россию к авторитарным государствам (http://www.freedomhouse.org/uploads/special_report/83). Мне кажется, Freedom House нам льстит. Мы так же далеки от авторитаризма, как и от демократии.

Зачастую об авторитаризме продолжают говорить по инерции. В своем замечательном интервью “Радио Свобода” И. Клямкин сказал: “Авторитарный режим мы получили, а он оказался модернизационно бесплодным” (<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1745565.html>). Мне кажется, этот термин употребляется тут, скорее, в переносном смысле. Это далеко не тот авторитаризм, который он сам предсказывал для России в конце 1980-х гг. Такой авторитарный режим был бы сегодня для России подарком.

Политический строй, который сформировался в современной России, можно определить как криминально-клановое государство. Это не мое и отнюдь не новое определение современной российской действительности. Я не могу позволить себе в рамках данной статьи углубляться в эмпирические доказательства его правильности, но оставляю за собой право вернуться к этому вопросу в случае возникновения дискуссии на данную тему.

Вообще, криминально-клановое государство – не ярлык и не политическое ругательство, а вполне адекватное описание тех реальных отношений, которые в современной России заменяют политические. Замечу только, что я отношусь к этому определению без излишней эмоциональности. Криминально-клановое так криминально-клановое – какое сложилось. Тем более не до конца понятно, откуда в России могло бы взяться сегодня другое. Если отказаться от исторического самообмана, от попыток мифологизировать как советскую, так и досоветскую историю, то придется признать, что в российском государстве практически всегда сохранялась напряженность “по линии законности”, за исключением нескольких кратких периодов “ремиссии”, которые А. Ахматова образно назвала “вегетарианскими временами”.

Впрочем, в сегодняшнем состоянии русской государственности есть и нечто действительно новое, выходящее за обычные рамки привычного для России “неисполнения законов”. Это новое – поразительно крепкая и устойчивая связь между правоохранительной системой и откровенно уголовными, антиобщественными элементами.

Трудно подыскать подходящую историческую аналогию. Разве что “смутные времена” приходят на память с их тремя главными действующими силами: лишенной пат-

риотического чувства аристократией; выродившимся в уголовную банду казачеством и оккупантами-авантюристами. Все это наводит на мысль, что сегодняшний кризис власти с его уникальной смывкой между “полицейщиной” и “уголовщиной” выглядит как явление *экстраординарное*, создающее угрозу самому существованию русской государственности, подрывающее основы ее суверенитета.

Есть попытки представить существующий строй как “полицейское государство”. Но, хотя полицейское государство несвободно, его внутренняя жизнь подчинена закону. Полицейским государством была, например, николаевская Империя, но не современная Россия. Установившийся сегодня государственный строй больше похож на институализированную анархию. Это “огосударствленная стихия”. Дистанция между таким государственным устройством и полицейским государством значительно длиннее, чем дистанция между полицейским государством и демократией.

Криминально-клановое государство – не поражение демократии, а поражение государственности. В самом общем виде оно может быть представлено как отступление социальной организации под натиском энтропии, шаг назад от цивилизации к варварству. Не случайно современная российская действительность легче всего постигается, когда ассоциируется со Средневековьем. Здесь больше, чем художественный образ, за этим сравнением кроется существенная связь.

Российская государственность развивалась не поступательно, а рывками. Были свои пики, были и провалы. Вслед за достижением “плато стабильности”, как правило, следовал распад и поиск новых государственных форм. Последний по времени период распада российской государственности проходил в несколько этапов.

В 1980-е гг. “советская” государственность напоминала “змею, пережившую свой яд” (образное выражение из популярной на излете 1970-х повести И. Грековой “Кафедра”). Порядок поддерживался с большим трудом, кризис стал вопросом времени. Благодаря перестройке процесс пошел, но совсем не туда, куда хотел его направить архитектор начавшихся перемен.

В 1990-е гг. при Б. Ельцине государство потеряло контроль над обществом, из субъекта превратилось в объект, само наряду с материальными активами стало “жертвой приватизации”. Оно отступило под натиском энтропии, “съежилось”, потеряло влияние. Это было “маленькое государство” в большой стране, лишенной каких-либо других механизмов саморегулирования и поэтому полностью отданной во власть частных интересов. Государство попало в зависимость от олигархов, а сами олигархи нередко находились в зависимости от криминальных “авторитетов”. Именно в 1990-е гг. кличка “вор в законе” стала званием наподобие “народного артиста”. “Территория”, оставленная государством почти без боя, досталась мародерам. Бал на этом пространстве правило ничем не ограниченное насилие уголовников и мелких лавочников, которые, соединившись, невероятно быстро превращались в крупных лавочников.

Любые попытки описать эту стихию как рождение буржуазии и демократии выглядят, на мой взгляд, не просто неадекватными, но и опасными, потому что рождают ни на чем не основанные иллюзии. Все, что так не нравится сегодня либеральным наблюдателям в России В. Путина, появилось на свет в России Ельцина.

Но что действительно интересно, государство при Ельцине практически не менялось. Несмотря на блеск мишуры в спешке создаваемых “демократических” атрибутов, оно все время оставалось “советским” по своей природе. Оно отступало под натиском неконтролируемой стихии, но не сдавалось. Сжималось, но не ломалось.

Я знаю, что найдутся тысячи “знающих” людей, которые убедительно докажут, что выбор Путина был сугубо личным решением Ельцина, что все могло бы быть иначе, и тогда мы стали бы свидетелями других событий. Я не могу спорить с этим, так как совершенно не информирован о том, как именно принималось решение о передаче власти. Однако я убежден, что сосредоточение власти в руках представителя спецслужб выглядит наиболее логичным и ожидаемым вариантом развития событий.

Если бы руководителем страны на том этапе не стал Путин, им стал бы другой представитель “силового блока”. Если бы этот слой бюрократов не пришел к власти мирным путем, то он получил бы ее при помощи переворота. “Силовики” должны были прийти к власти, и они пришли к ней. Ельцин лишь спрямил путь истории. Офицеры КГБ, действующие и ветераны, оказались остовом теряющей контроль над обществом власти. Это была единственная корпорация внутри вымирающей советской бюрократии, которая могла оказать сопротивление стихии и побороться за себя. Она всегда была выстроена как государство в государстве. И когда внешнее государство пришло в упадок, внутреннее попыталась занять его место. Пружина сжималась почти 15 лет и, наконец, в 2001 г. распрямилась. Когда она разжалась, это назвали восстановлением вертикали власти. Но эта была вертикаль “старой власти”.

Так перед смертью наступает короткая ремиссия, потому что организм мобилизует все свои силы на борьбу. “Советское” государство сделало последнюю попытку зацепиться за этот мир, прежде чем окончательно уйти в мир иной, опершись на касту выходцев из спецслужб, сохранивших государственнический менталитет в условиях полного и всеобщего разложения всех других государственных институтов.

Эффект, однако, оказался неожиданным. Хаос хлынул внутрь “возрождающейся” государственности. Единство “чекистов” сохранялось недолго. Виной всему стал пресловутый “человеческий фактор”. Знаменитые статьи В. Черкесова о “чекизме”, о внутреннем разложении “ордена чистильщиков” (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=812840>) заслуживают гораздо более глубокого прочтения. Они указывают не только на личную обиду автора (как то было расценено большинством экспертов), но и на реальную проблему, с которой “корпорация чекистов” столкнулась после прихода к власти.

С одной стороны, нельзя не признать заслуг “чекистской корпорации”. В общем и целом она сумела поставить под контроль и независимых олигархов, и их покровителей – “воров в законе”. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться со статистикой эмиграции первых и арестов вторых. Однако на место “независимых” олигархов и воров пришли “зависимые”. У новой власти не было ресурса, чтобы ликвидировать произвол. Прежде всего она не имела для этого соответствующей опоры в обществе, которое в силу исторически присущего русскому народу правового нигилизма не рассматривало устранение беззакония как актуальную политическую задачу. Поэтому такая задача и не ставилась.

Была поставлена другая задача – ликвидировать непосредственную угрозу государству, исходящую от олигархов, непомерно усилившихся на фоне ослабшей власти. Данная угроза обществом в тот момент остро осознавалась, и заказ на решение этой задачи был. Именно поэтому новое руководство страны получило сразу такой огромный кредит доверия. “Силовики” решили поставленную задачу, не столько устранив произвол, сколько поставив его под свой контроль, но и это удалось лишь отчасти. Второго издания сталинизма не вышло. Государство не уничтожило хаос, а подчинило его себе. И таким образом, само стало частью хаоса.

Ушли в прошлое “воры” советской эпохи, для которых государство было “внешней силой” и “абсолютным злом”. Их место заняли “олигархи-оппортунисты” и “воры-коллаборационисты”. На свободе остались лишь те, кто “перестроился”. Остались те, кто увидел в государстве союзника и опору и кто сам оказался готов стать опорой государству в его делах. Вор теперь не просто уважаем, но и полезен. “Новые воры” подрались помочь государству вернуть активы, ранее украденные “старыми ворами”. За разумное вознаграждение, конечно. Бессмысленно воровать у государства, когда можно эффективно и безопасно воровать *вместе* с государством. Вот он настоящий союз “меча и ворала”.

А дальше с “чекистской корпорацией” стало происходить то же, что происходит с космическим объектом, попавшим в поле притяжения черной дыры: она стала сходить со своей орбиты. Связи между отдельными ее членами и теми бизнесами, кураторами которых они становились в рамках выполнения общей задачи по возвращению госу-

дарственного контроля над экономикой в интересах государственной безопасности, оказались сильнее, чем служебные и даже личные связи внутри корпорации. Внешне единая корпорация стала распадаться на “фрагменты”. Внутри “силового блока” возникли враждующие между собой группы, находящиеся в “автономном полете”. Между этими группами и курируемыми ими криминальными и полукриминальными элементами начали возникать устойчивые и взаимовыгодные контакты. В России “шведский синдром” проявился в очень извращенной форме – “заложники” привили к себе “любовь” тех, кто их удерживал.

Так внутри самой власти образовались “кланы”, публично-частные корпорации, во главе которых встали “олигархи новой формации” – лица, формально находящиеся на государственной службе, но фактически контролирующие целые отрасли экономики путем использования как формальных (законных), так и неформальных (криминальных) рычагов влияния на экономические отношения.

Внешне все, конечно, изменилось. Государство как будто снова стало субъектом, восстановилась знаменитая “вертикаль власти”. Однако сама власть стала ареной борьбы частных интересов. В конечном счете, все вернулось “на круги своя” к исходной точке – угрозе приватизации власти, но теперь уже не “извне”, а “изнутри”. При этом “децентрализованный произвол” 1990-х гг. уступил место “централизованному произволу”. Произошла “интериоризация хаоса”, поглощение энтропии государством.

“Клановость” – состояние власти, которая не способна выразить общий (публичный) интерес, которая перестала интегрировать внутри себя этот публичный интерес путем “перегонки” частных интересов. Такая власть – *механическое* соединение, простая сумма частных волей, которые так и не превращаются ни во что большее. Каждый клан создает “представительство” во всех, даже самых дальних закоулках государственной власти, и в первую очередь – в ее “силовом блоке”, проталкивая туда “своих людей”, которые, находясь на государственной службе, руководствуются исключительно интересами своего клана, а не интересами службы.

Это парламентаризм “по-русски” – прямое представительство клана во всех структурах исполнительной власти. Поэтому российская “политика” сводится сегодня к примитивной борьбе кланов за ресурсы путем выпихивания за пределы властного круга представителей чужих кланов. Политическая борьба в России напоминает непрекращающуюся ни на минуту борьбу сумо, только на ковре постоянно топчется уйма народу.

Политическая система современной России – это “тоталитаризм наоборот”. Тоталитаризм – это произвол, возведенный в закон. “Тоталитаризм наоборот” – это произвол под прикрытием закона. В тоталитарном государстве, в отличие от авторитарного, власть не доминирует над обществом, а полностью поглощает его (в том числе, за счет идеологического контроля). Осуществление власти вырождается в беззаконие, инструмент которого – сознательно выведенные за рамки закона карательные органы.

Но сейчас в России сложилась диаметрально противоположная ситуация: общество полностью поглотило государство, растворило его в себе. Публичный интерес распался на аминокислоты составляющих его частных интересов враждующих друг с другом групп. “Силовые структуры” здесь предоставлены сами себе. Они уже не являются инструментом власти, а ее заменяют.

Законы (письменное право) в современной России не работают, уступив место правовому обычаю – жизни “по понятиям”. (Л. Никитинскому принадлежит огромная заслуга в объяснении “жизни по понятиям” как правового обычая.) При этих условиях формирование нормальных хозяйственных связей, подчиненных закону, невозможно. Возникает вакуум, стихийно заполняемый криминальными связями, растущими, как сорняк в диком поле.

Обратная сторона “кланирования власти” – подчинение общества диктату криминальной стихии. Второе неизбежно связано с первым. Это и позволяет определить такой тип политической организации как *криминально-клановое государство*.

“Правовой авторитаризм”

Теперь можно подумать о том, что будет, точнее, о том, что может быть. Я уже не раз писал, что в России не бывает ничего более устойчивого, чем неустойчивое положение. Теоретически нет никаких внутренних ограничений, способных прервать броуновское движение воли в замкнутом социальном пространстве.

Промежуточные состояния чрезвычайно коварны. Средневековье может длиться веками. Поэтому Россия, *предоставленная сама себе*, может застрять на этом рубеже очень надолго. Клань будут усиливаться и ослабевать, поедать друг друга, распадаться и собираться заново в иных комбинациях, но природа власти от этого меняться не будет. Проблема криминально-кланового государства не в том, что оно неустойчиво, а в том, что оно не способно к развитию. Общество, в котором утвердилось такая власть, обречено на вечный исторический бег на месте. В этом я с Клямкинским целиком согласен: существующий сегодня в России режим полностью лишен “модернизационного потенциала” (см. (<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1745565.html>)).

Неспособность к развитию обусловлена самой природой режима. Его главная особенность – отсутствие правовой матрицы, обеспечивающей порядок. Если есть порядок, пусть даже отвратительно несправедливый, то есть и надежда на его перестройку в надлежащий порядок. Если нет никакого порядка, то и перестраивать нечего, для этого нет базы. Хаос рождает хаос.

Чтобы совершенствовать порядок, его надо сначала установить. Николаевский режим перерос в александровские реформы. Сталинизм постепенно переродился в аморфный застой. А для преодоления Смуты были нужны Пожарский с Мининым. Из Февраля 1917 г. Россия вышла только при помощи Октября. Из социального хаоса невозможно выбраться без сильного импульса, самотеком...

“Ахиллесова пята” криминально-кланового государства – его неконкурентоспособность. Если бы весь мир не развивался, то и Россия могла бы позволить себе еще несколько сотен лет прозябания. Но мир не стоит на месте, наоборот, он становится все более динамичным. В этих условиях России надо подтягиваться к другим, а значит, меняться. Чтобы начать сокращать технологическое отставание, надо переходить от броуновского к направленному движению. Однако при существующем политическом строе это сделать практически невозможно.

“Креативное мышление”, к формированию которого так активно призывают сегодня и Путин, и Медведев, не рождается в обстановке бесконечных рейдерских захватов имущества, при полной незащищенности обывателя не то что перед сотрудником какой-нибудь “спецслужбы”, но даже перед простым околоточным начальником, способным в плохом настроении перестрелять десяток людей на улице среди белого дня. Никакие “новые центры компетенции” не возникнут под гнетом уголовно-полицейского произвола, получившего с легкой руки журналистов емкое название “беспредел”. Преодоление этого “беспредела” – не одно из многих, а самое главное, приоритетное условие экономического, а может быть, и культурного выживания России. Это “*condicio sine qua non*”¹ возникновения инновационной экономики.

Нельзя не согласиться с Путиным в том, что Россия сегодня неконкурентоспособна потому, что “у нас сложилась определенная структура экономики за целые десятилетия предыдущей жизни” (<http://www.rg.ru/2009/05/28/putin-innovacii.html>). Но с практической точки зрения важно понять, почему сложилась именно такая, а не какая-нибудь другая экономическая структура? Не потому ли, в том числе, что у нас сложилась “вполне определенная структура политики”, которая порождает именно такую структуру экономики?

Предвижу резонное возражение, что во всем виновата культурная среда, которая определяет как экономику, так и политику. Это и так, и не так. Культурная среда действительно задает набор возможностей, внутри которого есть варианты. В зави-

¹ Непременное условие – *лат.* (Прим. ред.).

симости от адекватности и эффективности политического строя внутри заданного культурой пространства возможна реализация сильно различающихся между собой экономических стратегий.

В течение 20 лет Россия наслаждалась “экономическим фетишизмом”. Мы радовались росту мало что отражающих “экономических показателей”: росли золотовалютные запасы, резервные и иные фонды, укреплялся рубль, снижалась инфляция. И одновременно увеличивалось технологическое отставание России от Запада (да уже и от Востока). А это и есть тот единственно важный показатель, который интегрирует в себе и экономику, и науку, и образование, и здравоохранение.

На горизонте русской истории замаячила перспектива “перманентного кризиса”, того состояния “хронической экономической недостаточности”, которое перетекает из одной формы в другую, никогда не исчезая полностью, и свидетельствует о закате цивилизации. Кризис этот предопределен именно политически, обусловлен болезненным состоянием власти, оказавшейся неспособной поддержать режим законности ни демократическими, ни авторитарными методами. Россия напоминает сегодня пузырящийся бульон на вечном огне. Он может продолжать долго кипеть, может выплеснуться наружу и растечься, может взорваться, если его накроют крышкой или добавят внутрь что-нибудь неорганичное.

Есть несколько сценариев выхода из этого неудобного положения, которые можно разделить на *пассивные* и *активные*. *Пассивные сценарии* основаны на предположении, что состояние российской государственности качественно меняться не будет, и неуправляемая борьба кланов продолжится. Самый простой из таких сценариев реализуется лишь в том случае, если России удастся отделиться от остального мира как Северной Корее, поставив вместо забора ракетно-ядерный щит. Тогда можно рассчитывать на длительное брожение “в собственном соку”, пока не произойдет какая-то глобальная мировая катастрофа, которая таки заставит Россию снова открыться. Все это представляется мне маловероятным. Особенность нынешнего политического режима состоит, в частности, в том, что у него нет воли даже на то, чтобы закрыться во имя самосохранения. Он может инстинктивно отгородиться, но не более того.

Во всех остальных случаях России придется взаимодействовать с внешним миром, и результат во многом станет зависеть от характера этого взаимодействия. Все будет зависеть от того, будет ли это воздействие в форме сжатия или, наоборот, на растяжку. При сильном сдавливании (например, при ужесточении политики США и Евросоюза по отношению к России, прежде всего при усилении военно-политического нажима) эффект будет сродни тому, который можно получить, плотно накрыв кипящую кастрюлю крышкой. В этом случае внешнее давление преобразуется в давление внутреннее, и хаотичное до того социальное движение обретет, наконец, направленность. То есть природа политической власти существенно изменится.

Возможно, в этом случае один из кланов, получив возможность опереться на рост националистических настроений, добьется победы и установит жесткий порядок. Тогда возможно возрождение неототалитарного режима, но уже не в коммунистическом, а в фашистском формате. Предвидеть будущее такого режима трудно, но оно многовариантно. Это может быть и прелюдия к распаду государства после очередной “антитоталитарной” революции, и началом долгого и трудного периода трансформации общества, при котором, однако, надо будет пройти через большую кровь и испытания.

Наиболее опасно неинтенсивное, но длительное давление по типу “слабого облучения”. Такое давление может осуществляться не на центр, а на периферию, и носить не столько политический, сколько социально-экономический характер (например, в форме экономической экспансии Китая в Сибири и на Дальнем Востоке, и Турции на Юге и в Поволжье). Постепенно социальные и экономические связи русской провинции с внешними центрами силы окажутся более прочными, чем с Москвой. Страна начнет медленно распадаться. По сути, это будет означать, что окружающие Россию более мощные в культурном и экономическом отношении державы “перестроятся”

и довольно быстро пройдут путь от попыток проводить колониальную политику к неоколониальной практике.

Это будет мягкое удушение России, при котором международные транснациональные корпорации очень быстро найдут язык с криминально-бюрократическими кланами и согласятся играть по их правилам. Вопрос об этике и антикоррупционной практике вряд ли встанет слишком остро. Россия в этом случае может стать “Африкой XXI столетия”, своего рода “колонией общего пользования”, в которой будут образованы зоны влияния отдельных государств и даже отдельных корпораций.

Активные сценарии предполагают начало управляемого процесса изменений в политическом устройстве страны. Это возможно в том случае, если возникнет идеологическое силовое поле, которое начнет оказывать влияние на борьбу кланов и приведет в конечном счете к тому, что кланы будут изжиты.

Если продолжить аналогию с кипящей кастрюлей, то активный сценарий возможен в том случае, если в бурлящий раствор кто-то бросит “присыпку”, под воздействием которой раствор начнет затвердевать. При определенных условиях те или иные идеи могут сыграть роль такой “присыпки”. Главное здесь, однако, не в идеях, а в условиях. Вновь, не могу не согласиться с Клямкиным: когда речь заходит об идеологии, создается впечатление, что все ждут появления какой-то “сверхидеи”, обладающей нечеловеческой убедительностью. В действительности набор идей ограничен, и они всем известны (см. <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1745565.html>). Вопрос, скорее, в том, насколько способен социум эти идеи воспринять. Сегодня от нашего общества любые идеи отскакивают, как горох от стены, и отнюдь не потому, что они плохие...

Возможно, ни одна из идей так и не будет востребована. Но нельзя исключать и того, что при определенных условиях одна из идеологий все-таки приживется и начнет оказывать воздействие на массовое поведение. В этом случае характер политического строя может качественно поменяться. Наиболее вероятным кандидатом на победу в конкурентной борьбе идей сегодня имеет, к сожалению, фашизм. Выше было указано, какие вероятные последствия это может иметь для будущего страны.

Таким образом, ценой вопроса является не модернизация, а сохранение суверенитета и независимости России в долгосрочной перспективе. Изменить предначертанный ход развития событий трудно, но можно попробовать. Для этого действующая власть должна проявить способность и желание поставить ситуацию под контроль и начать регулировать экономические и социальные отношения не “по понятиям”, а на основании законов. Другого способа решить эту задачу на практике, как двинуться по мучительному пути длительного, поэтапного преобразования криминально-кланового государства в “правовое авторитарное государство”, сегодня, на мой взгляд, не существует.

Авторитарное государство – не обязательно уголовно-полицейское государство. Существует много оттенков серого...

Формирование гражданского общества и, как следствие, возникновение демократического государства может и должно оставаться конечной целью культурного, социального и политического развития России. Но на пути к этому идеалу стране придется пройти много промежуточных стадий. Одной из них может быть “просвещенный авторитаризм”. Борьба за него сегодня равнозначна борьбе за демократию завтра.

Правовое авторитарное государство – практический лозунг действительного русского либерализма. Все остальное – пока утопия, не столько приближающаяся, сколько отдаляющая демократическую перспективу, так как заставляет расходовать ресурсы на недостижимые цели. Борьба за законность – вот тот главный и единственный фронт, где в одном строю сегодня должны сражаться и истинные патриоты, и истинные либералы.

Но выстроить авторитарное правовое государство в России непросто. Чтобы идти этим путем, нужна недюжинная политическая воля, подкрепленная соответствующими административными решениями. При этом никто не может сегодня поручиться,

что “точка невозврата” не пройдена. Принципы “беспредела” глубоко укоренились в повседневной политической практике и в массовом сознании, и любое движение в сторону от “казацкой вольницы” встретит ожесточенное сопротивление.

Уже на официальном уровне признано, что государство более не контролирует само себя. Так, председатель Верховного суда РФ публично называет МВД РФ самым коррумпированным органом власти, а основным лейтмотивом ведущейся в лояльных правительству средствах массовой информации дискуссии является тезис о его принципиальной неререформируемости. Должен сказать, что в этом конкретном случае я не вижу оснований для оптимизма и считаю, что никаких внутренних ресурсов для наведения порядка в работе МВД, ФСБ, Прокуратуры и всех прочих “органов” не осталось. Решить эту проблему можно, только воздействуя на систему “извне”.

При отсутствии в России реального гражданского общества это можно сделать, только сформировав “суррогатное” разделение властей, то есть противопоставив одни “органы” другим внутри сохраняющей в целом авторитарный характер государственности, лишенной пока таких полноценных атрибутов демократии, как реальный парламентаризм, партийный плюрализм, свобода слова и многое другое. Таким образом, основное внимание должно быть сегодня сосредоточено на создании независимого суда.

Суд, который мы потеряли

Дискуссия о правосудии в России зашла в тупик. Иначе и не могло быть, потому что самого предмета дискуссии не существует. Грандиозный контраст между публично озвученной озабоченностью состоянием судебной системы России и ничтожностью предпринимаемых на практике мер по ее изменению сам по себе нуждается в осмыслении. Очевидно, что дело не в отсутствии понимания остроты проблемы: складывается впечатление, что у власти нет политической воли, она хочет, но не может ничего изменить.

Природа кризиса судебной системы России остается неясной. Трудно с полной определенностью сказать, лежат ли в его основе сугубо политические причины или он обусловлен “правовой недостаточностью” – хронической болезнью российского общества, от которой без посторонней помощи практически невозможно избавиться?

Симптоматика кризиса российского правосудия не выражена. Парадоксально, но убедительных доказательств того, что судебная система вообще находится в кризисе, нет. Внешне, с формальной стороны, все выглядит вполне пристойно. Очевидных сбоев в работе судов не наблюдается, число рассматриваемых дел растет, процент отменяемых решений стабилен. Разве что количество обращений в Европейский суд по правам человека со стороны россиян год от года бьет рекорды. Но опять-таки не совсем ясно, с чем это больше связано – с состоянием судебной системы или с национальным характером, который заставляет граждан России искать правды на стороне. Так что в принципе у защитников судебной власти есть все основания утверждать, что сама тема “кризиса российского правосудия” надумана и что никакого кризиса в природе не существует.

На первый взгляд, это утверждение выглядит солидно. Мне на самом деле неизвестны достоверные методики, позволяющие оценить качество работы судов в России и научно обосновать наличие кризиса. Все умозаключения о нем в той или иной степени страдают “эмпиризмом” и являются результатом личных наблюдений их авторов. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что доказывать ничего не надо, ибо с политической точки зрения совершенно не важно, эффективно российское правосудие или нет. Важно лишь то, что все убеждены в его неэффективности.

Это забавное состояние судебной системы, при котором, с одной стороны, нет внятных доказательств наличия кризиса, а с другой – есть его “всеобщее признание”, я называю для себя “синдромом Райта”. Много лет назад на встрече с российскими депутатами Т. Райт – один из лидеров лейбористской партии, говоря о коррупции в Великобритании (кто не без греха), отметил, что в политическом смысле не имеет

значения, была коррупция в правительстве консерваторов или нет. Значение имеет лишь то, что люди думают: она была. В политике реальность ничто, ощущение все.

Для нас принципиально лишь то, что население, элиты, сама власть, наконец, убеждены в неработоспособности судебной системы России. Может быть, это несправедливое заблуждение, но факт остается фактом – доверие к судебной системе подорвано. А это – та самая малость, которая делает все остальные достижения, реальные или мнимые, бессмысленными. Потому что по самой своей природе правосудие может быть эффективным только при наличии доверия к себе.

Доверие – кровь судебной системы. Спустите эту кровь, и тело правосудия безжизненно обмякнет. Если решения судов нелегитимны в глазах общественного мнения, если судебные процедуры не воспринимаются как цивилизованный способ разрешения конфликтов, не имеет значения, насколько хороши наши судьи и сколько мудрых постановлений вынесли они за отчетный период.

Российская судебная система сегодня работает вхолостую. Отсутствие доверия к суду – и есть кризис правосудия. Его преодоление возможно лишь с восстановлением доверия (в российском случае речь, скорее, должна идти о его формировании, так как трудно восстановить то, чего никогда не было). Собственно, именно поэтому так трудно найти объективные проявления кризиса. Кризис российского правосудия, как СПИД, протекает преимущественно в скрытой форме, и судить о нем можно в основном по косвенным признакам.

В то же время, безусловно, недоверие к российской судебной системе родилось не на пустом месте. Его возникновению способствовали многочисленные “патологии”, обременяющие сегодня российское правосудие. Я, однако, не имею возможности доказательно исследовать эти патологии и в рамках настоящей статьи могу указать лишь на некоторые эмпирические индикаторы, свидетельствующие о глубокой деградации российского правосудия.

Эта деградация происходит одновременно в двух сегментах: “внешнем” и “внутреннем”. Во “внешнем” падает влияние судебной власти как таковой. Во “внутреннем” происходит перерождение судебного процесса, его “опрошение”, выхолащиваются институты и правила, которые, собственно, и составляют содержание правосудия.

В России в течение многих лет неуклонно происходит сокращение “пространства правосудия”. Это многоуровневый и многовекторный процесс, который затрагивает почти все стороны общественной жизни. Вера в то, что обращение в суд вообще может быть способом разрешения конфликтных ситуаций, критически мала. Люди предпочитают либо вовсе игнорировать нарушение своих прав, либо искать альтернативные суду способы их защиты.

Одним из проявлений этой тенденции стало относительное снижение роли гражданского судопроизводства. Сегодня обычные хозяйственные конфликты все чаще разрешаются не гражданско-правовыми, а уголовно-правовыми методами. Легче и дешевле уничтожить оппонента, чем судиться с ним. Поэтому вместо исков в суд “субъекты хозяйственной деятельности” предпочитают подавать заявления в милицию о возбуждении уголовного дела и при помощи правоохранительных органов добиваться желаемого экономического результата. В России теперь принято заканчивать гражданско-правовые споры не решением, а приговором.

Но и в уголовном судопроизводстве суд как таковой перестал быть вершиной пирамиды правосудия. Парадоксальным образом либеральные новации 1990-х гг., в соответствии с которыми арест и обыск стали осуществляться лишь по решению суда, привели к прямо противоположному результату, чем тот, на который рассчитывали авторы этих инициатив. Пережив кратковременный шок, исполнительная власть перестроилась и научилась “готовить суд”. Рассмотрение представлений следствия превратилось в подавляющем большинстве случаев в пустую формальность. Постепенно эта практика стала распространяться и на рассмотрение уголовных дел по существу.

Кризис состоит не в том, что суды перестали работать, а в том, что они “выдавливается” шаг за шагом из реальных правовых и не совсем правовых, но от этого не

мене реальных отношений. Судебная система начинает существовать сама по себе, а жизнь – сама по себе, и между ними становится все меньше точек соприкосновения. Решения принимаются не в суде, в суде они лишь оформляются. Суд все больше напоминает юридический декор, которым прикрывают неприглядную российскую действительность.

Действительное правосудие – всегда *творческий процесс*. Российское правосудие постепенно теряет свою качественную определенность особого рода *юридической* деятельности, превращаясь в разновидность *административной* деятельности, осуществляемой государством. В то же время, именно возникновение правосудия как особого рода деятельности по “обслуживанию правовых норм”, осуществляемой специально подготовленными субъектами, обладающими профессиональным правосознанием, по строго определенным правилам, является, по мнению историков права, краеугольным камнем в основании современных правовых систем. Правосудие перестает быть творческим процессом в России и все более приобретает черты бюрократической рутины. Эта отчетливо наблюдаемая *редукция* правосудия находит свое выражение одновременно и в избыточном формализме при применении норм материального права, и в отказе от исполнения формальных требований при применении норм процессуального права.

Познание духа законов, проникновение в сущность права, толкование правовых норм во всей их сложной взаимосвязи – все это практически недоступно сегодня российской судебной системе, особенно в ее низовом звене. В то же время, нарушение процессуальных норм при рассмотрении дел стало обыденным и усугубляется несовершенством и неполнотой уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального кодексов, которые являются не более чем неряшливой “перелицовкой” своих советских прообразов.

Залог “творческого правосудия” – состязательный характер судопроизводства. Если доверие к суду – кровь судебной системы, то состязательность – его нерв. Именно состязательность обеспечивает, с одной стороны, относительную автономность правосудия как особого рода государственной деятельности, а с другой – стимулирует творческое отношение к праву и гарантирует соблюдение законности. Состязательность делает правосудие “объемным”, наполняет его жизнью, сегодня ушедшей из российского правосудия. В суде нет борьбы мнений, потому что эти мнения никем не востребованы. Если правосудие превращается из юридического в административный процесс, то значимо в этом процессе лишь одно мнение – *руководящее*.

При отсутствии состязательности деградирует не столько суд, сколько правосудие в целом. Адвокатура и прокуратура понесли в России в последние годы даже больший профессиональный урон, чем судейский корпус. Адвокаты в значительной степени превратились в посредников между клиентом и судом. В отношении тех, кто все-таки избежали этой участи, фактически введен “запрет на профессию”. Исполнение функций защитника или представителя стало рассматриваться следствием как “пособничество” в преступной деятельности, в результате чего адвокаты все чаще сами оказываются жертвами незаконного уголовного преследования.

Адвокату в российском суде предоставлена возможность “поприсутствовать” при оглашении заранее определенного решения. Туда, где они принимаются, “посторонним” вход строго воспрещен. Адвокат мало чем может помочь сегодня своему клиенту, разве что “рядом постоять”, как говорил в тяжелых случаях один мой мудрый доктор.

Справедливости ради скажу, что прокуратура сегодня не в лучшем положении. Прокуратура не пережила нескольких полуреформ, мотивом для которых стали не столько юридические, сколько конъюнктурные политические соображения. В сегодняшнем виде она просто не в состоянии квалифицированно поддерживать обвинение в суде. И в этом, а не в чем-то другом, кроется причина мнимой неэффективности суда присяжных в России. Одновременно прокуратура лишилась возможности контролировать работу следствия (чем на самом деле всегда исторически только и зани-

малась по-настоящему), окончательно превратившись в “пятое колесо” российского правосудия. Прокуроры работают в суде “эхом”. Они гулко повторяют все, что сказано следствием. Разница, может быть, лишь в том, что прокуроры, в отличие от адвокатов, менее остро переживают свое рабское, нелепое положение. Наверное, в основной массе оно их устраивает. Хотя уверен, что есть исключения.

Но и от следователя сегодня мало что зависит. Он превратился в придаток оперативных служб, которые на самом деле и “рулят” любым делом. Мы как бы вернулись в средние века, восстановив тождество между “розыском” и “правосудием”. На самом деле, уже и суд не нужен, достаточно одного следствия. Потому что суд у нас может быть и скорый, зато следствие – долгое-долгое... Сегодня само по себе возбуждение уголовного дела может стать высшей мерой наказания. Возбудили дело – и нет бизнеса, нет имени, нет здоровья. Следствие в России *самодостаточно*. Оно выносит свое окончательное решение задолго до того, как появляется на свет судебное решение. Причем делает это публично.

Иногда складывается впечатление, что у нас не МВД, а литературный институт, где что ни дело, то роман Ф. Достоевского. Только пишут тут про “наказание без преступления”. Самое эффективное подразделение в правоохранительных органах – пресс-служба. Если театр начинается с вешалки, то уголовное дело – с заказной публикации.

Российское правосудие деградировало не столько количественно (в смысле уменьшения своего влияния), сколько качественно, откатившись даже ниже того уровня, который был достигнут в “позднебрежневский” период. Все его объемные и сложные “правовые фигуры” стали вдруг плоскими и примитивными. Оно как-то разом “схлопнулось”, превратившись из юридической симфонии в пьесу для “механического пианино”.

“Министерство суда”

Если есть официальное мнение о кризисе правосудия, то должно быть и его официальное объяснение. Это объяснение сколь парадоксально, столь и бесполезно. Во властных кругах все трудности склонны объяснять коррупцией.

Парадоксальность этого объяснения состоит в том, что оно ничего не объясняет. Я неоднократно писал, что коррупция в судебной системе вряд ли чем-то существенно отличается от коррупции во всех других звеньях административной машины. Убежден и в том, что подавляющее большинство судей и сотрудников правоохранительных органов, будучи поставленными *в другие условия*, вели бы себя в соответствии с совершенно *другими стандартами*. Коррупция есть следствие болезни, одно из многочисленных ее проявлений, но не первопричина. Воссоздание нормально функционирующей судебной системы может стать одним из эффективных средств борьбы с коррупцией, но не наоборот.

Гораздо ближе к истине неофициальная точка зрения, которая связывает кризис судебной системы с отсутствием в России независимости судебной власти, без чего правосудие в принципе существовать не может. Проблема имеет не субъективный, а объективный характер. Дело не в том, как судьи мотивированы, а в том, как они ориентированы. Судья не является сегодня самостоятельным субъектом правосудия, он – часть системы, в которой координаты заданы таким образом, что от судьи требуется не столько исполнение законов, сколько выполнение приказов.

Российский суд – такая же иерархическая административная система, как и любое министерство. Судьи в нем чиновники, у каждого из них есть начальник. Главные начальники находятся вне пределов судебной системы. Если решение судьи окажется незаконным, судья за это не понесет реально никакой ответственности (каждый имеет право на ошибку, в том числе, судебную). Если судья не исполнит руководящего указания, он запросто лишится должности. Никаких реальных механизмов, защищающих судью от произвола вышестоящего начальства, не существует.

Отдельно взятый судья – может быть, самый незащитный элемент существующей судебной системы. Если непослушание проявляет рядовой судья, то, перефразируя высказывание известного героя И. Ильфа и Е. Петрова, существует четвереста и один сравнительно законный способ сделать его жизнь невыносимой. В лучшем случае, он уйдет сам. Если неповиновение проявляет председатель суда, то после первой “плановой проверки” он превратится в рядового судью, а уже потом его жизнь сделают невыносимой. Выше этого уровня нонконформисты попадают редко, так как там происходит социальный естественный отбор. Судьи апелляционных и кассационных инстанций, как правило, очень дисциплинированы.

Вообще следует строго различать “суд” и “правосудие”. Суд как властная функция существовал всегда. Правосудие в точном смысле слова есть исключительный атрибут конституционной системы. Правосудие не существует вне действительного и эффективного разделения властей.

Проблему кризиса российского суда настойчиво хотят втиснуть в узкие рамки отношения “власть и суд”, в то время как рассматривать ее надо в гораздо более широких рамках отношений “суд и общество”. Если посмотреть на проблему под таким, более широким, углом зрения, то станет понятно, что политический эгоизм власти – причина, но вовсе не первопричина проблем с независимостью суда.

В действительности независимый и объективный суд, то есть правосудие, сегодня обществом не востребовано. В России практически нет значимой социальной группы, которая не на словах, а на деле была бы заинтересована в существовании эффективной судебной системы и тем более была бы готова бороться за это политическими средствами. И это естественно, потому что в России так до сих пор и не сложилась буржуазия – тот единственный класс, который самими условиями своего экономического бытия заинтересован в отправлении правосудия.

Российские элиты в правовом смысле дремучи и инфантильны. Им нужен только такой суд, который всегда выносит решения в их пользу и, причем, гарантированно. За это они готовы платить отнюдь не только политически... Независимый суд пока остается кошмаром российского “бизнес-сообщества”. Оно предпочтет пойти на любую сделку с правосудием, чем вручить свою судьбу и судьбу своих капиталов “глупому закону”. Перефразируя слова Г. Честертона, можно сказать, что каждый русский хочет, чтобы решения суда были объективными и независимыми и только в его пользу.

Необходимо помнить, что сегодняшняя зависимость суда от административного нажима пришла на смену вовсе не свободе, а зависимости суда от денежного мешка, свидетелями чего мы все были в 1990-е гг. Другое дело, что, как показывает жизнь, ситуация эволюционирует в сторону зависимости как от административного контроля, так и от влияния денежного мешка, по мере того как эти две субстанции срачиваются. Российское правосудие оказалось зажато между молотом административного произвола и наковальной правового нигилизма.

Впрочем, как писал ныне позабытый в России К. Маркс, сама задача ставится в повестку дня тогда, когда средства ее решения подготовлены историей. История преподнесла сюрприз в виде мирового кризиса, который самым неожиданным образом может повлиять на судьбу правосудия в России.

До недавнего времени все, что происходило с российской судебной системой, было преимущественно “внутрироссийским” делом. О подвигах российского правосудия судачили в западных СМИ, иногда они становились предметом обсуждения в международных судах, в некоторых особо выдающихся случаях вокруг отдельных судебных решений разворачивалась политическая дискуссия. Ситуация стала меняться года полтора-два назад, когда споры российских олигархов между собой переместились вслед за их капиталами на Запад. Олигархи, внесшие немалый вклад в дело деградации российской судебной системы, будучи вытесненными из российской экономики, испытали острую потребность в объективном и независимом правосудии, а найти такое в России уже не представлялось возможным.

Главным вопросом русских олигархических войн в Европе стал вопрос о юрисдикции. Действительно, не так просто обосновать, почему, например, один русский “авторитетный предприниматель” в рейдерском захвате его имущества в России, обращается с иском в Лондонский, а не в Басманный суд. Есть все-таки что-то притягательное в эффективном правосудии... В этот момент сугубо теоретический вопрос о том, есть ли правосудие в России, превращается в практический и сверхактуальный вопрос о месте рассмотрения хозяйственных споров в отношении русских активов.

Первое же громкое дело в британском суде продемонстрировало ту логику, которой будут руководствоваться в дальнейшем зарубежные юристы, разрешая вопрос о юрисдикции “русских дел”. Главное – право лица на судебную защиту в надлежащем суде. Надлежащий суд в европейском понимании отнюдь не только тот суд, к территориальной подсудности которого относится рассмотрение данного дела, но и суд, отвечающий определенным критериям, в том числе суд независимый, объективный, основанный на действительной состязательности и т.д.

Доказать, что в России сегодня надлежащего суда нет, – вопрос техники, времени и денег. Как показывает опыт, все три элемента в Европе сегодня присутствуют с избытком. Поэтому европейские суды будут все чаще приходить к выводу, что поскольку, с одной стороны, в России нет “достойного” храма правосудия, а с другой – каждый человек, независимо от его гражданства, имеет естественное и неотъемлемое право на достойное правосудие, то такая возможность должна быть ему предоставлена в другом месте. То есть “униженные и оскорбленные” в российском суде имеют право требовать рассмотрения их дел в суде зарубежном, который и будет в данном случае надлежащим судом, не по своей территориальной подсудности, а по своей сути.

Значение созданного в Великобритании прецедента трудно переоценить, особенно принимая во внимание то, сколько активов в течение последних 20 лет было выведено из России на Запад “оптом и в розницу”. Необходимо учитывать также, что значительная часть “флагманов” российской экономики – формально нероссийские компании и принадлежат всевозможным офшорам. Все это будет иметь как краткосрочные, так и долгосрочные труднопредсказуемые последствия.

В краткосрочной перспективе России грозит потеря суверенитета судебной власти. Принятие решений в отношении судьбы все большего числа российских активов будет осуществляться за пределами России. Поскольку активы уже давно на Западе, то с исполнением этих решений проблем не будет.

В долгосрочной перспективе потери могут быть и более существенными. С точки зрения западного права любой российский предприниматель и даже само российское государство могут быть обвинены в отмывании незаконно созданных капиталов. После всего, что русские “вывалили” друг на друга в судах одной только Великобритании, недостатка в доказательствах не будет. По сути, это вопрос лишь политической воли, выбора момента, когда такое решение будет наиболее целесообразным. На самом деле, не так уж сложно снова сделать британские футбольные клубы чисто национальным достоянием...

В перспективе Россия много чего может потерять и кроме футбольных активов своих олигархов. Все эти далекоидущие последствия несостоятельности судебной системы превращают вопрос о ее реформировании в вопрос национальной безопасности. И тут возникает другой вопрос: кто сможет взять ответственность за решение этой проблемы на себя?

Как ни парадоксально, меньше всего этого можно ожидать от общества, которое еще долго будет не в состоянии преодолеть свой правовой нигилизм. Внятный запрос на судебную реформу со стороны общества маловероятен в ближайшее время, поэтому его трудно будет включить в политическую повестку дня. Надежда остается только на “революцию сверху”, на опережающее “прозрение” власти, когда здоровые силы внутри правящего бюрократического класса смогут преодолеть свой текущий и корыстный политический интерес (доступность управления судами в ручном режиме)

ради обеспечения устойчивого политического развития. Если это чудо по каким-то причинам случится, потребуется не косметический ремонт, а перестройка всего здания. Не берусь даже предсказать основное направление этой работы. Отмечу лишь три решения, без которых, с моей точки зрения, судебная реформа не сможет состояться.

Во-первых, демократизация отношений внутри судебной системы, восстановление принципов самоуправления судов снизу доверху, включая выборность председателей судов всех уровней. Только эта мера откроет двери всем другим новациям, вытравив чиновничий дух из судебных залов. Во-вторых, реформа юридического образования, которая должна наполнить залы судебных заседаний людьми, приученными уважать букву закона и понимать логику права, не столько образованными, сколько воспитанными в истинно юридическом духе. Немалую роль в этом должно сыграть восстановление роли курсов философии права и государства, формирование консенсуса вокруг основных принципов преподавания права. В-третьих, “перезагрузка” буквально всех процессуальных кодексов, изобилующих сегодня ровно таким количеством пробелов и противоречий, которое необходимо для того, чтобы превратить судебный процесс в хорошо организованное комсомольское собрание.

Все эти меры потребуют от власти известного мужества и последовательности, которые она до сих пор не особенно часто демонстрировала в таких шепетильных вопросах, как реформа судебной системы. Может быть, однако, что те потрясения, которые несет с собой мировой экономический кризис, окажутся мощным стимулом, который заставит власть поступить неординарно.

Тупик правосудия

К сожалению, на практике движение в области судебной реформы идет в прямо противоположном ожидаемом направлении. 22 мая 2009 г. остается пока рядовым днем календаря, но, возможно, спустя десятилетия эту дату признают поворотным пунктом русской истории. В этот день мы простились с иллюзией о возможности появления в исторически обозримой перспективе относительно независимого суда в России. Речь идет об изменении порядка назначения Председателя Конституционного суда РФ.

Это нерядовое событие в жизни страны вызвало, между тем, на удивление заурядный и вялый отклик. Общий смысл большинства комментариев свелся к тому, что это шаг в сторону универсализации законодательства, и он сделан, безусловно, в правильном направлении. Показательно интервью, данное “Вестям 24” 27 мая 2009 г. В. Никоновым. Его выступление свелось к трем тезисам: наша судебная система стала более стройной; независимость суда от этой меры не пострадает и, наконец, мы сделали все, “как в Америке”.

Это интервью заслуживает особого внимания именно потому, что в нем в наиболее концентрированной форме оказалась выражена доминирующая точка зрения. В том же направлении, но более осторожно, высказались и многие другие эксперты, которые по долгу службы не смогли избежать сомнительной чести выразить официальное отношение к спорной инициативе законодателя. Комментарии отличались, в основном, темпераментом, кто-то делал их нехотя, а кто-то – с удовольствием. За такой реакцией кроется либо всеобщее непонимание сути происходящего, что кажется маловероятным, либо боязнь назвать вещи своими именами, что больше похоже на правду.

Порядок назначения председателей высших судов и, тем более, Конституционного суда – не вопрос Конституционного права и даже вообще не вопрос права. Это вопрос политический, и комментировать его нужно соответствующим образом.

Нельзя сказать, что политическая сторона вопроса совсем выпала из поля зрения. Но ее постижение ограничилось догадками по поводу возможного будущего трудоустройства Д. Медведева. Конституционному суду, таким образом, уготовили роль Горбачев-фонда. Не вызывает сомнений, что данное решение тем или иным образом связано с проблемой наследования власти. Однако политическая суть его к этому не

сводится. Она спрятана значительно глубже уровня личных уний и амбиций руководителей. Чтобы докопаться до нее, необходимо рассмотреть вопрос в гораздо более широком политическом контексте, чем это делается сейчас.

Не мной замечено, что в русском сознании национальная спесь и пренебрежение ко всему иностранному удивительным образом уживаются с раболепием перед иностранным опытом и пресмыкательством перед “иностранщиной”. В те минуты, когда нам надо оправдать какую-нибудь очередную сугубо российскую мерзость, мы с облегчением восклицаем: “Так ведь все, как на Западе!”. И на этот раз чуть ли не главным аргументом в пользу отмены выборов Председателя Конституционного суда стала ссылка на то, что и в Америке председателя назначают... Это правда. Но правда и в том, что мы живем не в Америке. Что для Америки хорошо, или, по крайней мере, безразлично, для России может оказаться непреодолимым искушением.

Не счесть того вреда, который принес нашей стране абстрактный либерализм, переносящий чужой опыт на русскую почву без учета конкретных культурных и исторических обстоятельств. Сегодня перед нами еще один пример такого либерального формализма. Причем отнюдь не бескорыстного. Потому что на этот раз в либеральную овечью шкуру чинично вырядился волк русской бюрократии, методично подъедающий остатки судебной свободы.

В США, на которые сегодня так часто ссылаются апологеты перемен, назначение председателя суда главой исполнительной власти происходит в рамках пусть и испытывающего сегодня определенные трудности, но вполне устоявшегося правового государства. Это правовое государство покоится на прочном фундаменте одной из самых эффективных в мире судебных систем, независимость которой глубоко укоренена в правовой культуре и обеспечивается всем существующим политическим строем.

Поэтому в США, как и во многих других странах, где правовое государство – не мечта, а реальность, нет особой нужды в обеспечении независимости судебной власти такими специфическими, частными средствами, как особый механизм избрания председателя суда. И в политической системе, и в гражданском обществе этих стран существуют другие, гораздо более мощные механизмы сдерживания экспансии исполнительной власти, которые будут мгновенно задействованы в случае, если проявится тенденция к ущемлению независимости суда.

В США оттого, что председатель Верховного суда будет назначен президентом, с независимостью суда по большому счету ничего особенного не произойдет. Там это действительно более технический вопрос, чем политический. Но в России все иначе. У нас не только нет правового государства, но практически никогда его и не было. За исключением двух небольших исторических отрезков времени в 60-е гг. XIX в. и в 80-е гг. XX в. даже задачи такой, как обеспечение независимости суда, без чего правовое государство в принципе невозможно, не ставилось. В таких условиях порядок назначения руководителей высших судов имеет принципиальное политическое значение и играет одну из главенствующих ролей в обеспечении если не независимости, то хотя бы некоторой автономии судебной системы. Выражаясь медицинским языком, этот механизм повышает “резистентность” судебной власти к “наездам” исполнительной власти.

Разобравшись с США, можно перейти к собственно независимости судебной власти как таковой. В чем, пожалуй, прав Никонов, так это в том, что сегодня она от этой меры мало пострадает, поскольку практически и так не существует. Проблема, однако, в том и состоит, что хотелось бы, чтобы хотя бы определенная степень независимости у суда была. Нововведение не столько разрушает какие-то реальные отношения, сколько убивает надежду на их изменение. Оно существенно уменьшает шансы на то, что текущее недопустимое положение вещей будет когда-либо преодолено. Вопрос должен стоять не о том, что мы потеряли, отменив выборность Председателя Конституционного суда, а о том, чего мы при этом не нашли... Выборность председателей высших судов как раз могла бы стать одним из тех “нестандартных” политических ходов, при помощи которых в России можно было бы поддержать относительную независимость

суда, призванную стать рычагом для обуздания вышедшей из-под контроля уголовно-полицейской машины.

И снова трудно не согласиться с Никоновым: институт выборности Председателя Конституционного суда – глубоко неорганичен для ныне действующей судебной системы. Это чужеродный элемент, который выбивался из общей политической линии, направленной на все более полное подчинение судов исполнительной власти. В определенном смысле слова речь действительно идет об универсализации законодательства. Причем предложенная “универсализация” стала, в общем-то, давно ожидавшимся и назревшим шагом. Но тогда надо набраться мужества и честно объяснить, в чем смысл этой универсализации и какие отдаленные последствия она может иметь.

Выборность Председателя Конституционного суда была “эмбрионом” просвещенного авторитаризма в утробе криминально-кланового государства. Она была тем зародышем внутри системы правосудия, из которого при благоприятных условиях можно было вырастить механизм судебного контроля над правоохранительной системой, в котором так нуждается сегодня русское общество. Это был зародыш если не независимости, то хотя бы автономии судебной власти. Этот очень хрупкий механизм нес на себе колоссальную политическую нагрузку. Именно благодаря ему Конституционный суд РФ оказался способен на протяжении последних восьми лет играть уникальную роль в юридической жизни страны.

Распорядиться этим капиталом можно было двояко. Напрашивалась совершенно другая “универсализация” в прямо противоположном направлении. Выборность председателей надо было распространить на все высшие суды, а может быть, и на некоторые другие суды. Тогда выборность Председателя Конституционного суда сыграла бы роль “юридической ствольной клетки”, пересадив которую в систему арбитражных судов и судов общей юрисдикции, можно было бы встряхнуть судебную систему и вернуть ей дееспособность. Это был бы по-настоящему революционный шаг в продвижении вперед судебной реформы.

Такая реформа могла бы оказать глубочайшее влияние на развитие русского общества, подтолкнув вперед процесс становления русской буржуазии, который, помимо сугубо культурных причин, сегодня тормозится отсутствием цивилизованных правил разрешения коммерческих споров, полной зависимостью капитала от власти и беспольностью в связи с этим какой-либо иной этики бизнеса, кроме цеховой. Это был бы шаг в пользу буржуазной революции, но пока без активного участия буржуазии, за неимением у нас таковой. Тем не менее было принято другое, более естественное в данной политической ситуации решение. Вместо сложной политической трансплантации обошлись примитивным юридическим абортom.

Тезис о пользе “универсализации” при данных обстоятельствах является пошлым. “Универсализация” в том виде, как она была произведена, уничтожила надежду на скорое преобразование судебной и политической системы России со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сомнительно, однако, что соображения “стратегического характера брались кем-то в расчет в процессе принятия решения об отмене выборности Председателя Конституционного суда. Можно даже предположить, что если бы власть осознала весь комплекс вытекающих из него последствий, то решение не было бы принято в такой спешке. Но при подготовке данного решения возобладали сиюминутные конъюнктурные политические интересы, которые свелись к заботе о ложно понятой “политической стабильности”.

Косвенно это решение связано с началом процесса передачи власти в 2012 г. Но я не стал бы примитивизировать картину происходящего. Это не подготовка места работы для Медведева. Перефразируя А. Дюма, можно сказать: “Для Медведева-юриста – это слишком много, а для Медведева-политика – слишком мало”. Он заслуживает лучшего. Это больше похоже на “зачистку” политических рисков в преддверии сложного политического сезона.

В данном смысле перспектива организации выборов главы государства в обстановке усиливающегося экономического кризиса стала лишь катализатором для при-

нятия решений, которые давно назрели. Не стоит путать причину и повод. Выборы и кризис – только повод. Причина – внутренняя интенция исполнительной власти к тотальному контролю политического процесса.

Недовольство относительно независимой позиции Конституционного суда назрело давно, и над судом не раз сгущались тучи. Стабильность ситуации обеспечивалась во многом за счет компромиссной политики, которую проводил в жизнь действующий председатель суда, обеспечивший таким образом автономии Конституционного суда невиданно долгу по российским меркам жизнь.

Кажущаяся отдаленность во времени последствий принятого решения не должна вводить в заблуждение. Формально первое назначение нового председателя должно состояться по истечении срока действия полномочий последнего избранного председателя, то есть как раз в 2012 г. Но в действительности все может оказаться гораздо сложнее. В рамках существующих в современной России политических реалий практически любое должностное лицо, вне зависимости от его личных и профессиональных качеств, может быть поставлено в такие условия, когда оно окажется вынужденным уйти со своего поста. После того, как был изменен порядок формирования Конституционного суда, соблазн опробовать новые правила на практике ранее положенного срока становится слишком большим. Поэтому в самое ближайшее время можно ожидать, что давление извне на Конституционный суд в целом и на его Председателя в частности резко усилится.

Если это и был план, то это плохой план. Изменение порядка формирования конституционного суда – всего лишь маленький шаг в ряду множества шагов, которые предпринимаются сегодня с целью консервации сложившегося в России политическое *status quo*. Но все тенденции, все противоречия современной России отразились в нем, как в капле воды. Сегодня мы стоим на один маленький шаг дальше от цели, чем были еще почти год назад. И чем дальше мы откатываемся назад, тем труднее будет начать движение вперед.

© В. Пастухов, 2010